

[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-64-77](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-64-77)



Культурный код Великого Новгорода: современность исторического города. Экспертное интервью

А. М. Гаврилов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
alexey.gavrilov@novsu.ru

Е. И. Спешилова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
e.speshilova@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурный код
городская среда
исторический город
дизайн-код
новгородская архитектура
общественные пространства
зелёные насаждения
масштабность
визуальные связи

АННОТАЦИЯ

Представленное экспертное интервью посвящено анализу культурного кода Великого Новгорода и тех архитектурных приёмов, благодаря которым он может быть репрезентирован в городской среде. В первую очередь рассматривается общее понятие культурного кода, затем исследуется ситуация в современном Великом Новгороде, в котором сохранилась только малая часть аутентичных объектов, поскольку большинство сооружений было разрушено во время Великой Отечественной войны. Эксперт оценивает различные городские объекты и проекты с точки зрения сочетания в них новгородских архитектурных мотивов и современных решений, а также акцентирует внимание на том, что дизайн-код, который введён в Великом Новгороде с 2024 года, крайне слабо связан с культурной идентичностью города. Ключевой тезис интервью заключается в том, что все городские объекты, которые расположены за пределами исторической части города (за границами вала), должны быть решены современным языком. Кроме того, в качестве одной из возможных и продуктивных стратегий работы в исторической зоне города обосновывается создание новых проектов на контрасте к существующей городской среде. Таким образом современные архитекторы и градостроители могут внести свой оригинальный, авторский вклад в развитие исторического города и оставить свой след в городской текстуре.

Для цитирования:

Гаврилов, А. М., Спешилова, Е. И. (2024). Культурный код Великого Новгорода: современность исторического города. Экспертное интервью. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 4(1), 64-77. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-64-77](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-64-77)

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

© Гаврилов А. М., Спешилова Е. И., 2024

Expert interview on the cultural code of Veliky Novgorod: The modernity of the historical city

Alexey Gavriloв 

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
alexey.gavriloв@novsu.ru

Elizaveta Speshilova 

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
e.speshilova@yandex.ru

KEYWORDS

cultural code
urban environment
historical city
design code
Novgorod architecture
public spaces
green areas
scale
visual links

ABSTRACT

The expert interview is devoted to the analysis of the cultural code of Veliky Novgorod and to the architectural techniques, which represent it in the urban environment. The expert considers the general concept of cultural code and examines the modern situation of Veliky Novgorod, where only a small part of authentic objects has been preserved, as most of the structures were destroyed during the Great Patriotic War. Also, the expert evaluates various city objects and projects in terms of combination of Novgorod architectural motifs and modern solutions in them, and emphasizes that the design code, which has been introduced in Veliky Novgorod since 2024, is very poorly connected with the cultural identity of the city. The key thesis of the interview is that all urban objects that are located outside the historic part of the city (outside the berm boundaries) should be resolved in a modern architectural language. In addition, the creation of new projects in contrast with the existing urban environment is described as one of the possible and productive strategies for working in the historical area of the city. In this way, contemporary architects and urban planners can make their original, authorial contribution to the historical city and leave their mark on the urban texture.

For citation:

Gavriloв, A. M., Speshilova, E. I. (2024). Expert interview on the cultural code of Veliky Novgorod: The modernity of the historical city. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(1), 64–77. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-64-77](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-64-77)

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Спешилова Е. И.: Добрый день! Сегодня мы встречаемся с Алексеем Михайловичем Гавриловым, заведующим кафедрой дизайна Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, чтобы обсудить тему культурного кода Великого Новгорода. И, прежде чем приступить к нашей новгородской специфике, я бы хотела уточнить, как Вы, в целом, понимаете культурный код и что, на Ваш взгляд, этот термин обозначает?

Гаврилов А. М.: Мы на эту тему говорим на многих конференциях и семинарах, буквально недавно обсуждали данную тему на встрече в рамках семинара в Антоново. Действительно, это понятие очень широкое, и каждый, наверное, по-разному понимает, что такое культурный код. Пожалуй, здесь можно отметить то, что культурный код вбирает в себя всю культурную идентичность того региона или того населённого пункта, например, города, в котором мы с Вами проживаем, в котором мы находимся, в котором мы взаимодействуем с другими людьми.

Конечно же, в культурный код, с моей точки зрения, можно включить и какие-то национальные особенности того или иного региона, будь то Кавказ, Поволжье, Урал или Дальний Восток: у каждого есть своя культурная идентичность, свой культурный код. И у разных людей, и у разных народов этот культурный код может выражаться по-разному: через разные символы, через разные образы или через, как мы иногда говорим, разную архитектуру и разные объекты. Поэтому предполагается такое довольно широкое понимание. И мы как архитекторы в данном случае говорим о культурном коде, связанном прежде всего с восприятием пространства и проявляющим себя через символику, образы и через вот эту местную, уникальную составляющую.

Спешилова Е. И.: Если приземляться к нашей новгородской почве, то о каком культурном коде можно говорить? То есть в чём будет заключаться культурный код Великого Новгорода?

Гаврилов А. М.: Это тоже очень сложный вопрос. Почему? Потому что если углубляться в историю, о которой нам часто говорят историки, и если смотреть как, скажем, горожане на наш Новгород и нашу область, на то, что дошло до нас от предков, то по большому счёту сохранились лишь единицы тех или иных объектов, тех или иных пространств, на основе которых мы можем судить именно о Великом Новгороде. Всё дело в том, что, даже если взять поселение Новгорода довоенного периода, оно по-другому существовало: по-другому проходили улицы, по-другому архитектура взаимодействовала с человеком. То, что мы сейчас проживаем в Великом Новгороде, в нынешней градостроительной ситуации, – это уже послевоенная тема, к которой в какой-то степени приложил руку известный архитектор А. Щусев. Поэтому от предков культурного кода как такового у нас, наверное, осталось совсем минимально. И мы можем сейчас только равняться на архитектурные памятники, на архитектурные объекты, которые дошли до наших дней в изменённом или в неизменном виде. Или мы можем восстанавливать культурный код по каким-то описям, по каким-то архивным данным, по книгам и по литературе.

И для нас как жителей Новгорода, наверное, важный аспект по расселению, по культурной идентичности Великого Новгорода связан с тем, что мы всё-таки проживаем в большей степени на равнинной плоскости и у нас есть водные пространства, которые сохранились от наших предков. И вот это всё расселение – понимание структуры города, структуры расселения в поймах рек, то есть того, чем занимались раньше наши предки (в том числе торговлей, рыбной ловлей и т. д.), – в какой-то

степени может являться отголоском всё-таки вот этого же культурного кода. Я сейчас не говорю даже о том, в чём ходили жители, что носили, что было традиционно, а что нетрадиционно. Речь идёт о такой большой совокупности сведений, большом и глобальном понимании культурной ситуации в целом.

Но ещё раз подчеркну, что я как архитектор обычно стараюсь вычленять из городской среды в большей степени символику и элементы, которые присущи именно новгородской архитектуре. Всё-таки новгородская и псковская архитектура несколько отличается от московской архитектуры и архитектуры иных городов. Поэтому мы будем говорить о том, что до наших дней дошла, прежде всего, культовая культура: именно её мы видим, ощущаем, тогда как остальные виды культуры в большей степени остались в фольклоре или в каких-то других вещах, книгах, описаниях и так далее. Мы, как и все люди, воспринимаем среду в первую очередь визуально, через такие вот знаковые вещи, и очень приятно, что наш Великий Новгород как раз-таки более-менее масштабен в пределах вала. Та средовая архитектура, которая дошла до нас от предков, она соразмерна человеку.

Спешилова Е. И.: Если же говорить в целом о каких-то архитектурных и, может быть, градостроительных приёмах, которые позволяют транслировать культурный код в городской среде, каким бы он ни был, то что это может быть? И, может быть, есть какие-то удачные примеры сейчас в современном Новгороде?

Гаврилов А. М.: Очень такой непростой вопрос, потому что нельзя на него ответить однозначно. Попытки есть, есть попытки использования культурного кода в новых объектах, здесь в качестве примера можно привести обсуждения, посвящённые строительству будущего университетского кампуса, в которых мы участвуем. Примечательно, что архитекторы, которые пытались сделать новую форму, постарались привнести туда некие мотивы, даже архетипы, связанные с существующими в Новгороде объектами и их формами. Это знакомая нам Аркада Гостиного двора, которая дошла до нас в остаточном виде, и это наш железнодорожный вокзал, такой очень интересный, на мой взгляд, послевоенный объект, открытый в 1953 году, который построил известный архитектор Игорь Явейн. В облике вокзала тоже прочитывается симбиоз старого и нового, это была очень масштабная и, мне кажется, удачная архитектура. Символику этих арок, бегунков, аркад, поясков и лопаток, которые, как мы знаем из древнерусского искусства, присущи Новгороду, мы, наверное, в ближайшее время увидим в неких прообразах нашего университетского кампуса.

Удачный это пример или неудачный? У меня двойное впечатление об этом объекте. С одной стороны, это очень хорошо, что мы обращаемся к истокам. Но, с другой стороны, я всё-таки считаю, что наш Новгород и вся территория нашего поселения должны действительно быть в формах, может быть, древнего Новгорода именно в пределах вала. Всё, что находится за его пределами, – это, как правило, город современный, он должен быть решён современным языком. И вот если мы говорим о том, что территория университетского кампуса, который строится в XXI веке, находится всё-таки за пределами исторического вала, где историзма практически никакого нет, то мы могли бы создать кампус в современных формах, характерных именно для нашего времени, но отдавая дань через какие-то элементы, символы, включения и интерьерные разработки принадлежности к Новгороду.

На основании того, что мы видели по эскизам, сейчас сложно сказать, что в проекте есть прямая отсылка к новгородскому культурному коду и культурному

восприятию пространства идентичности Новгорода. В то же время и не сказать, что это нечто современное. Получилось что-то такое, непонятно что. И крайне печально, что у нас в Новгороде вопрос с этой формой решается так неопределённо. Стоит либо делать проект близким к историческим формам, либо на контрасте включать какие-то элементы современные, либо просто делать уже на новом месте современную форму, которая отвечает всем запросам XXI века.

Такие попытки сочетать современность с образом древних объектов, древних построек есть. Тот же самый Сбербанк на Мира, хоть построен лет 20 назад и облицован керамогранитом, отражал, как говорится, дух того времени. Да, там есть башенки, завершение, полуарки, колонны на входе. Это всё решено немножко современным языком, но мотив всё-таки, как я понимаю, или, скажем, дизайн-ключ некий взят именно с Новгородики. Сейчас, конечно, понятно, что объект отчасти монструозный, некомпозиционный и не совсем вписывается в среду, ему там тесно. Для такого объекта, конечно, необходимо совершенно иное пространство, нужны иные габариты, однако попытка была сделана.

Такие же попытки делаются, когда преобразовываются какие-то объекты. Допустим, здание бывшего универмага («Феникс») на углу, на пересечении улицы Великой и улицы Розважа, возле моста Александра Невского напротив парка. В перестроечные годы делали реконструкцию этого здания, и мне кажется, что там тоже была предложена очень удачная форма: тем самым советская архитектура приобрела некий дух именно новгородской архитектуры за счёт отсылки к аркадам, поясам, завершениям, фронтонам и так далее. На мой взгляд, это угловое здание, хотя ему тоже уже больше 20–30 лет, комфортно, масштабно человеку и находится действительно в историческом месте, при этом не выбиваясь из его общего контекста. Такие же попытки предпринимаются и на других объектах.

Вместе с тем, понимаете, есть у нас и другая застройка в центре города, например, здания в районе Пяти углов, здания по улице Газон. Все эти классические объекты построены тоже в послевоенный период, но это, по большому счёту, типовая архитектура, которая проектировалась во многих городах страны. Был такой каталог стандартных элементов, которым очень часто пользовались архитекторы. Они просто, когда появлялся участок, брали территорию, брали основные, скажем так, элементы, которые присущи сталинской архитектуре, – карнизы, лепнину, колонны, полуколонны, резные решётки на балконах – и использовали их при строительстве нового здания. Эта архитектура периода сталинской эпохи уже тоже стала некой классикой, но при этом она не репрезентирует никакой образ или дух Новгорода.

Вообще у нас, если говорить объективно, по новгородским объектам практически, наверное, и ничего не осталось от жилой застройки, которая была ранее. Изредка можно увидеть какие-то индивидуальные объекты на Торговой стороне, которые сохранились до наших дней, и то у них плачевное состояние. А всё то, что мы видим сейчас, когда воспринимаем Новгород, – это всё-таки в большей степени Новгород послевоенный. Поэтому идентичность Великого Новгорода связана прежде всего с культовой архитектурой.

По поводу кампуса, мне кажется, это сейчас самый больной вопрос, с которым и студенты, и выпускники очень часто ко мне обращаются и говорят: «Алексей Михайлович, неужели такой объект будет строиться здесь, в Новгороде?». И очень обидно, что этот объект такой не молодёжный и не очень привлекательный; там,

мягко говоря, много чего непривлекательного, и это я ещё не оцениваю предложенные планировочные решения. Но, как говорится, изменить это всё не в наших силах.

Спешилова Е. И.: Интересно, Вы сказали про то, что мало осталось исторических объектов из жилой застройки. Однако я вспомнила ответы респондентов, которые недавно анализировала, и очень многие жители воспринимают Славенский конец, эту часть Торговой стороны с маленькими улочками, с небольшими домами, как что-то такое аутентичное, историчное, соответствующее духу Новгорода, хотя, по сути, оно тоже на самом деле...

Гаврилов А. М.: ...Там как раз находятся те точечные дома, которые остались в городе. Их адреса известны, на память точно не скажу, но это на Торговой стороне. Большая их концентрация сосредоточена недалеко от улицы Ильина, рядом с улицей Большой Московской, которая напротив Ярославова дворища. Вот там расположены дома, которым не одна сотня, а, скажем, 150–200 лет. Там Дом Сметанина, например. И то это объект конца XIX – начала XX века, то есть ему 120–130 лет. Но мы – и Вы, и я, и наши горожане – мы воспринимаем это как новгородскую архитектуру, и мы всё равно чувствуем себя там очень хорошо и очень комфортно. Хотя на самом деле там, если зайти чуть дальше в глубь, стоят хрущёвские дома, послевоенные постройки с дранкой, с деревянными крышами и деревянными лестницами, ведущими на второй этаж. Все эти постройки – дома барачного типа. Так что мы действительно можем ощущать себя комфортно именно в этих небольших пространствах, небольших отрезках, потому что там всё масштабно человеку – и окна, и пропорции. Там ритм жизни был тогда другой, согласны?

Спешилова Е. И.: Да, и он, видимо, притягательный.

Гаврилов А. М.: Да, да. Сейчас, видите, ритм жизни изменился. Когда раньше всё это строили, автомобили были в диковинку, а ездили, в основном, экипажи. Тогда действительно всё было ориентировано на масштаб человека и масштаб животного, а сейчас, когда на улицах появилось много грузовых машин, масштаб выстраивается по-другому. Поэтому нам там очень уютно, очень уютно и масштабно. У меня даже есть друзья, которые целенаправленно покупали там квартиру, несмотря на то что это старый фонд. Почему? Потому что там тихо, спокойно, транспорта мало, дороги маленькие и узенькие. Хотя они понимают, что и удобств там мало.

Спешилова Е. И.: Мало торговых объектов, инфраструктуры.

Гаврилов А. М.: Да, инфраструктуры там мало. Но жители там ощущают себя горожанами Новгорода и не хотят переселяться в урбанизированную среду.

Спешилова Е. И.: А ещё мы говорим о том, что в этом году вступил в силу дизайн-код. На Ваш взгляд, он как-то отражает историю и культуру Великого Новгорода? Или это, в принципе, такие разноплановые, разнопорядковые вещи?

Гаврилов А. М.: Действительно, дизайн-код вступил в силу с января этого года, и с его введением все социально-торговые объекты должны быть приведены к общему знаменателю. Знаете, я бы не сказал, что этот дизайн-код несёт какую-то культурную идентичность. Это в какой-то степени просто универсальный регламент, который учитывает и сегодняшний день, и, условно говоря, завтрашний день. Моё отношение к разработанному дизайн-коду неоднозначное, скорее, я бы отметил его со знаком минуса. Но что мне в нём нравится, в этом принятом у нас дизайн-коде, так это то, что его постарались сделать универсальным, чтобы один

дизайн-код действовал и в новом районе, и в старом районе города. Однако при этом он всё-таки учитывает удалённость от центра: от Кремля или площади есть первая линия со своими параметрами, есть вторая линия, которая учитывает свои параметры, и есть третья линия. И в каждой этой зоне могут быть какие-то свои нюансы. Это даёт очень хорошую возможность, например, внутри вала, то есть внутри первой зоны, делать какие-то уникальные вещи в пределах дизайн-кода, который регламентирует размеры, параметры, высотность и так далее.

Мне, ещё раз подчеркну, нравится, что сделали такое зонирование, поскольку это даёт возможность всё-таки не унифицировать всё, а создавать разные объекты с учётом того, где они располагаются и какими уникальными характеристиками обладают: какова застройка, какие улицы, какая ширина, где переходы? Иногда в некоторых местах очень стеснённые условия, но предприниматель всё равно начинает ставить там объект, потому что ему это выгодно. Да, трафик большой, деньги большие, но с точки зрения городской среды и горожан, которые в неё погружены, такой объект превращается в некое препятствие. Помимо того, что это просто усложняет передвижение, такой объект генерирует визуальный шум и меняет, портит городскую среду.

Спешилова Е. И.: В связи с этим вспоминаются фургоны, которые стояли на Ильине улице.

Гаврилов А. М.: Да, очень хорошо, что их уже убрали. В целом, скажу, что неоднозначное отношение к введённому дизайн-коду, но, с другой стороны, его нужно было делать, он был необходим. Почему? Потому что у нас, скажем, предприниматель не слышит никогда ни архитектора, ни дизайнера, ни горожан, для него главное – это прибыль. И действительно, чем ближе объект к покупателю, тем покупателю комфортнее и удобнее. Однако из-за этого всё пространство превращается в такой визуальный шум, а сама архитектура воспринимается хаотичным рынком. Поэтому я думаю, что дизайн-код – это необходимый на первых порах такой постперестроечный этап, который позволяет всё упорядочить. Может быть, лет через двадцать появятся новые возможности, и мы перейдём к какому-то другому уровню и иному решению.

Завершая ответ на этот вопрос, я бы, честно сказать, убрал из города все нестационарные торговые объекты. Это моя боль как архитектора. С моей точки зрения, это как, знаете, если у человека есть какая-то болезнь, то она проявляется через что-то. Так вот, мне кажется, что эти образования в городе – это некие точки заболевания. Вокруг них часто мусор. Проблемы с уборкой и отсутствие хороших мест для разгрузки и выгрузки товаров создают дискомфорт для жителей города, не говоря уже про доступность к этим объектам для маломобильных граждан. Машины для разгрузки, как правило, заезжают на тротуар, а за счёт этого значительно уменьшается ширина дороги или тротуара, уменьшается видимость, то есть в этот момент иногда не известно, едет или не едет за этими машинами, к примеру, велосипедист. Это всё неправильно. Поэтому внедряемый дизайн-код даст возможность городу систематизировать или вообще убрать нестационарные торговые объекты.

Очень приятно, что несколько лет назад в Москве, например, было принято решение избавиться от всех этих ларьков. Будь на то мои полномочия, я бы в первую очередь поступил так же: просто убрал бы все эти объекты из города, а не занимался бы согласованием их облика. Мне кажется, это ни к чему. Лучше строить новые объекты в городской среде с учётом того, чтобы в них заранее проектировали

встроенные или пристроенные магазины, бутики или что-то иное, тем более сейчас очень много первых этажей выкупается под эти цели. Нужно систематизировать всё это, сделать стильные крылечки, красивые входы, учесть подходы для маломобильных групп населения. И всё, ничего другого не надо. Вот как наши с Вами предки строили? Как правило, внизу была лавка, а сверху её владелец или проживал, или что-то мастерил. Это было и удобно самому владельцу, и комфортно для города. А у нас, к сожалению, все пытаются замусорить город.

Спешилова Е. И.: Действительно, первое наше впечатление, когда мы переехали в Новгород, – словно мы из Сибири вернулись на пятнадцать лет назад, потому что в городе расположено очень много таких объектов, часть из них ещё советского типа (с ужасными коваными решётками), которые у нас уже давно убрали.

Гаврилов А. М.: Вот видите, как хорошо у Вас к этому подошли.

Спешилова Е. И.: Получается, более жёстко. Алексей Михайлович, также я хотела бы узнать Ваше мнение насчёт трансформации общественных пространств, которая произошла в Великом Новгороде за последние годы. Это и набережные, и преобразования на Ильине улице. Бытует мнение, что эти трансформации хороши с функциональной точки зрения, поскольку создают обновлённые точки притяжения для горожан, но в то же время они искажают исторический облик города. На Ваш взгляд, они скорее сохраняют или ухудшают исторический облик города? Или, может быть, как-то иначе влияют на него?

Гаврилов А. М.: Да, все вопросы у Вас не на пять и не на десять минут. Но я постараюсь хотя бы частично успеть рассмотреть эту тему. Смотрите, мне кажется, здесь важно то, что в городской среде можно проектировать по-разному. Мы со студентами, кстати, на эту тему тоже очень часто говорим, обсуждаем её, рассуждаем по данному вопросу. И, когда мы проектируем, мы также пытаемся выбрать какой-то путь, связанный с тем, как именно можно работать в исторической среде, какие решения предлагать для набережных, парков, скверов, улиц, кварталов, городов. При этом пути бывают разные. Например, один из путей – это предлагать проекты на контрасте к существующей городской среде. То есть, допустим, мы воспринимаем Новгород как древний именно в пределах вала, хотя там далеко не всё дошло до нас в старом сохранённом виде, но мы можем умышленно строить в этой среде объекты на контрасте, для того чтобы показать гражданам и последующим поколениям, что мы тоже оставляем некий свой след в среде и оставляем своим потомкам некий памятник своей эпохи, который воплотился в каких-то объектах. Мы можем применять достижения XX и начала XXI века – активное использование металла, стекла, новых видов отделки, штукатурки, новых технологий, использование спайдер-систем в облицовке фасадов, не дешёвых, я имею в виду. Это, мне кажется, можно культивировать. Я вернусь к набережным, но пока в качестве примера приведу использование спайдерных систем в исторической части города. Вы слышали, наверное, в прошлом году у нас в городе открыли после капитального ремонта подземные пешеходные переходы, которые достаточно долго делали, на пересечении улицы Большой Московской и улицы Фёдоровский Ручей.

Спешилова Е. И.: Да, да, поняла.

Гаврилов А. М.: Там, по сути, сделали современные навесы в исторической части города, то есть навесы полностью из закалённого стекла со спайдер-системами. Спайдер-система – это недешёвое удовольствие, но она даёт возможность облегчённого восприятия среды за счёт прозрачности. И мы, когда ходим по улице или мимо

этих переходов, через это стекло видим нашу древнюю архитектуру, какие-то объекты, памятники и так далее. Если Вы там пройдётесь, Вы сами почувствуете, как стеклянная конструкция, вот эта стеклянная форма современная, даёт нам возможность созерцать окружение. Те арочные навесы, которые там существовали раньше, с одной стороны, вроде были ближе к идентичности нашего города. Но, с другой стороны, они были сделаны из глухих элементов, то есть из материалов вчерашнего дня, поэтому всё это выглядело очень дёшево и в то же время перекрывало нашу визуальную связь с ценными объектами, расположенными в этом месте.

И здесь я хочу подчеркнуть этим примером, что новый переход решён современными материалами и современным языком и он немного в контрасте со средой, но при этом даёт нам другие преимущества, даёт нам возможность видеть окружение. Вот это хороший пример сосуществования старого и нового в исторической среде. В памяти горожан переходы всё равно остались переходами, пусть их там немножко облицевали, но верх сделали вот такой воздушный. Когда я проезжаю там мимо на машине, иногда останавливаюсь на светофоре, смотрю на новые переходы и думаю, что это большой шаг вперёд для города, потому что мы современным языком говорим туристам и молодёжи, которая у нас здесь живёт, что Великий Новгород – это не город-музей. В этом городе мы тоже можем существовать, двигаться и мыслить современно. И, мне кажется, такие архитектурные решения с использованием новых материалов дают нам возможность показать это.

Это можно считать вступлением к тому, что я думаю по поводу набережных, поскольку на них тоже многое сделано с использованием современных материалов. При этом очень приятно, что там есть много решений с учётом истории места. В частности, давайте возьмём Софийскую набережную. Там ведь очень удачно всё выполнено. Первым был сделан сквер Водников около моста Александра Невского, это был первый пятачок, причём пятачок очень комфортный. Он комфортен с точки зрения масштаба к человеку и с точки зрения того, что там акцентировали внимание на новгородской идентичности, древности путём открытия старых улиц и через мощение, через настилы показали горожанам, что здесь, смотрите, проходила улица, которая вела к реке.

Иногда даже многие горожане и гости города задумывались и спрашивали, а что именно это такое? И какая-то надпись или QR-код, размещённые там, давали им возможность углубиться в тему и самостоятельно изучить, почему здесь эта форма или ландшафтный элемент. Мне кажется, что таким образом тот самый культурный код становится интегрирован в новую форму, которая даёт возможность туристу и горожанину проникнуть в историю и почитать, найти определённую информацию об этой древней улице. И очень приятно, что Софийскую набережную стали продолжать современным языком, при этом упоминая с помощью металлических вставок в плитку о тех древних улицах, которые там когда-то существовали. Некоторые из упомянутых древних улиц я раньше даже не знал, их раскопали исследователи из Центра развития городской среды, работая с историками и архивами. Замечательно, что там современным языком решена старая тема. Это очень удачное сочетание старого и нового. Другое дело, я не хотел бы давать однозначную оценку того, всё ли там удачно или нет. В принципе, там много привлекательных, хороших мест и уголков, по которым приятно ходить, в которых комфортно находиться и существовать. Многие решено с учётом маломобильных жителей и туристов, мам с колясками и очень удобно для детей и молодёжи.

То же самое можно сказать по поводу набережной Александра Невского, хотя там немножко другая среда и другие задачи стояли. Да, там другой язык совершенно и другие подходы применялись. Почему? Потому что сейчас при преобразовании городских пространств необходима коллаборация с жителями, общение с ними, проведение опросов и т. д. И здесь сами жители высказывали идеи о том, какими они хотят видеть какую-то площадь или пространство набережной, а проектировщики стремились это учитывать. Именно горожанам жить в этом пространстве, поэтому они должны смелее высказывать свои идеи, говорить о новых функциональных зонах, о смысловом наполнении, и где-то нам, проектировщикам, необходимо к их мнению прислушиваться. Некоторые такие вещи были учтены, и эта набережная тоже сделана на стыке старого и нового. На мой взгляд, наши набережные, по крайней мере, удачные, и я считаю, что это пока, пожалуй, самые удобные у нас места для горожан.

И самое главное, что реконструированные набережные оттянули немалое количество людей от центральной Софийской площади. У нас же все праздники проводились только на площади Софийской, но в последние два года количество граждан в локациях изменилось. Благодаря тому, что губернатор поддержал уличный фестиваль «Новгородское лето», у нас стали проводить какие-то летние мероприятия и на набережных – там мастер-классы, там песни, там танцы. При этом другие локации стали тоже поддерживать локальную идентичность, даже с точки зрения проведения каких-то фольклорных мероприятий. Это очень приятно и здорово. Резюмируя, я считаю, что старое и новое должны сосуществовать, старое должно существовать вместе с тем, что выполнено современным языком, как я показал на примере этих переходов.

Спешилова Е. И.: Помимо анализа таких замечательных пространств, как Вы считаете, какие места в Новгороде, наоборот, являются наиболее проблемными и требуют первоочередного вмешательства, реконструкции, реставрации или иного преобразования?

Гаврилов А. М.: Таких мест, мне кажется, у нас очень много.

Спешилова Е. И.: В своих ответах кто-то писал, что их нет и что в нашем крае всё замечательно.

Гаврилов А. М.: Я даже не знаю, с чего начинать. Боюсь, что начну с чего-то, словно это первоочередное, а первоочередных мест у нас очень много. Давайте, например, начнём с того места, где мы сами находимся, – это ул. Санкт-Петербургская, 41 и наше кольцо транспортное. Здесь всё, куда ни посмотри – налево или направо, назад или вперёд, – всё и везде требует решения. Даже если рассмотреть то, как расположены дома по отношению к площади Строителей или как одна застройка соотносится с другой застройкой, есть такое ощущение, что, когда проектировали тот или иной объект возле площади, каждый архитектор делал своё уникальное здание и не задумывался о том, как новые формы взаимодействуют со старыми. Поэтому и появились такие формы, как два объекта у нас возле площади, которые как-то странно повёрнуты по отношению к бывшему заводу. Понимаете, эти объекты расположены, как говорится, ни два, ни полтора, они расположены не торцом и не левой стороной, они не формируют какой-то угол или какие-то композиционные акценты с точки зрения архитектуры. Понимаете?

Я начал с этого просто потому, что это ближайшая к нам точка. Но таких проблемных развязок в городе и мест, которые требуют решений, очень много.

Поэтому я даже не знаю, стоит ли их перечислять, так как они везде, за что ни возьмись, куда ни двинься. Даже возьмём территорию около Новгородской технической школы (НТШ), которую недавно построили, и посмотрим на НТШ относительно остальной застройки. Там напротив манеж, он масштабен, от манежа до дороги достаточное расстояние, то есть здесь архитектура воспринимается на расстоянии и масштабно человеку. Но смотрим назад в сторону Университета: там объекты, заводы, Спектр, которые уже морально и физически устарели. Они все, конечно, уже требуют реконструкции. Видите, мы продвинулись только по близлежащей территории, а там уже столько всего. На мой взгляд, куда ни двигайся, мы будем встречать постоянно такие примеры. Это я сейчас не говорю о том, что жители жалуются на отсутствие элементарно комфортных тротуаров.

Спешилова Е. И.: Очень сильно жалуются на это, в первую очередь.

Гаврилов А. М.: Я как-то недавно прошёлся пешком по улице Космонавтов до школы № 23, через дорогу перешёл и пошёл. Так вот, я шёл всё время по проезжей части, потому что тротуаров там нет. А если где-то они и есть, например, возле одного дома, то потом упираешься в тупик и опять выходишь на дорогу. Так лучше по дороге и идти. И это я не говорю про всё остальное. Так что, куда ни глянь, везде одно и то же. Если мы сейчас посмотрим в сторону ул. Менделеева, даже переход, переезд через железнодорожные пути тоже требует архитектурно-планировочного решения, правильно? И вот таких узлов, таких участков у нас в городе немало, поэтому даже не знаю, что ещё отдельно выделить, потому что можно перечислять всё.

Спешилова Е. И.: Получается, это структурная проблема.

Гаврилов А. М.: Да, и тогда просто нужно анализировать те самые узлы – площади, перекрёстки и другие локации. Мы, кстати, пытаемся со студентами все эти вопросы анализировать и акцентировать на них внимание. Можно взять практически любой район в пределах вала на Софийской стороне, в котором послевоенная застройка расположена хаотично и требует новых проектных решений. В таком случае необходимо делать какую-то комплексную инвентаризацию и внедрять программы реновации послевоенной (не ценной) исторической застройки, как делают в Москве. Они же сносят малоценную застройку и превращают эти места в комфортные пространства для жизни горожан. В перспективе и у нас можно сносить малоценную, эстетически не привлекательную застройку и создавать новые архитектурные ансамбли. Поэтому если кто-то говорит, что у нас всё хорошо, то я скажу, что, наоборот, надо очень многое преобразовывать.

Спешилова Е. И.: Ещё важный момент, который меня беспокоил, когда мы подавали заявку на грант, связан с нашей типовой застройкой в спальнях районах, которая, как правило, никак не связана с локальным культурным кодом. Как Вы думаете, стоит ли как-то разнообразить такую типовую застройку с учётом новгородской специфики, добавлять какие-то элементы, связанные с нашей архитектурой и культурным кодом, или не стоит обращать на это внимание, поскольку это не так важно?

Гаврилов А. М.: Я думаю, что не стоит на это обращать внимание. Мне кажется, современный город должен жить по-новому. Я уже говорил об этом, но ещё раз подчеркну, что он должен для потомков что-то оставить. Иначе следующим поколениям от нас ничего не останется, будет ощущение, словно мы не жили в этом периоде и не наследили здесь. На мой взгляд, должны быть какие-то уникальные

решения, которые свойственны эпохе, свойственны даже тому месту, имеется в виду не старому, а новому месту, где мы проектируем. Допустим, мы проектируем в районе Григорово, это была бывшая деревня. Можно выявлять идентичность этой деревни или того поселения, которое там было, использовать какие-то мотивы, какие-то знаковые элементы, символы и так далее, но не придерживаться уже того, что характерно для центра города. Необходимо использовать решения, выполненные современным языком. Можно оживить этот район через определённый дизайн, через определённую суперграфику фасадов, но будет несколько странно, если мы в Западном спальном районе сделаем там арочки, капители, лопатки и так далее. Я думаю, что новые районы должны жить по-современному.

Спешилова Е. И.: И теперь мы переходим к заключительному вопросу. В целом, в контексте Вашего личного и в то же время, безусловно, профессионального отношения, считаете ли Вы Великий Новгород в его нынешнем состоянии комфортным городом?

Гаврилов А. М.: Да, при всём вышперечисленном всё равно считаю комфортным. Сейчас объясню почему. Я приехал сюда в 1989 году, тогда здесь было мало коренных новгородцев. По статистике, говорят, что две тысячи или примерно две тысячи четыреста людей осталось после войны. Здесь много семей приехало после войны восстанавливать и развивать город. Я учился в художественном училище в Суздале Владимирской области и приехал оттуда. И первое моё впечатление в 1989 году было, что я попал в какой-то очень красивый зелёный город, цветущий, так как я приехал как раз летом. Очень было комфортно, всё в зелени, всё благоухает. Мне казалось, что город просто утопал в зелени. И то ощущение, когда ты ходишь по старой части города и тебя окружает очень много зелёных насаждений, много вот этой природной составляющей, было очень-очень комфортным и благоприятным. Я приехал из Суздаля Владимирской области, где учился, и если бы Вы, наверное, там были... Не знаю, Вы там были?

Спешилова Е. И.: Нет, к сожалению.

Гаврилов А. М.: Вот это как город-музей. Там на каждом пяточке по монастырю и по храму.

Спешилова Е. И.: Новгород Вас не удивил в этом смысле.

Гаврилов А. М.: Да, в этом плане не удивил. Конечно, когда я приехал сюда, мне говорили, что у нас в Новгороде столько-то памятников ЮНЕСКО, но после Суздаля это были немножко другие ощущения. Смотрите, Суздаля-то в чём повезло? Туда война не дошла, туда фашисты не пришли, поэтому там практически всё сохранилось до наших дней. Единственное, там тоже что-то реставрировали, реконструировали, по крайней мере монастыри, которые стоят чуть ли не стена к стене: там начинается Покровский монастырь, здесь уже Спасо-Евфимиев. И застройка там очень масштабна человеку. Примечательно, что там даже железнодорожного вокзала, кстати, нет, а автовокзал там находится за пределами города, примерно где-то в полутора километрах от него. Новый спальный район тоже построен за пределами города. А центр Суздаля – низ каменный, верх деревянный или полностью дом деревянный. И, как правило, это застройка не больше, чем в два этажа. И знаете, там тоже очень комфортно, приятно ходить. Поэтому, когда я сюда приехал, древнерусской архитектурой меня было не удивить. Но, с чего я начал говорить, мне было тогда комфортно в нём за счёт того, что это зелёный город. Мне и сейчас

комфортно в нём, наверное, в какой-то степени из-за того, что я ощущаю здесь большое количество зелени.

Сразу резюмируем, что зелень – это, с одной стороны, хорошо, но, с другой стороны, это тоже плохо. Объясню, почему плохо. Если неупорядоченные зелёные насаждения в городе очень сильно превалируют, то те самые визуальные связи, о которых мы говорим, теряются, так как зелень часто закрывает визуальные связи, визуальные контакты между человеком и историческими памятниками. И если привезти какого-то туриста, который в Новгороде впервые, и поставить его где-нибудь недалеко от администрации города, чтобы он не видел входной арки, и спросить: «Как думаешь, где у нас тут какие-то исторические объекты?». Он посмотрит по сторонам и не поймет, потому что всё заросло лесом и вот этих доминант, акцентов теперь нет.

А ведь наши предки, когда проектировали город, делали таким образом, чтобы все дороги вели к каким-то башенкам, маковкам, и архитектор А. Щусев тоже это делал в своё время. Они думали о визуальном ориентировании, это очень здорово. Поэтому, с одной стороны, зелень – это хорошо, с ней комфортно. С другой стороны, она немножко закрывает древнерусскую архитектуру. Хотя, может быть, и правильно, что мы закрываем то безобразие, которое у нас есть в некоторых местах. Понимаете, такое двоякое значение: что-то нужно прикрыть, прикрыть безобразие, а что-то, наоборот, необходимо открыть. Я думаю, что наша миссия, я имею в виду ныне живущих, – это раскрыть всё, что является комфортным и удобным для восприятия, и, наоборот, найти средства скрыть от человека всё то, что является менее комфортным. Может быть, Вы знаете, как в Древней Греции проектировали? Ведь древние греки проектировали так, как мы сейчас здесь живём. Они богато декорировали фасады, а что там дальше – неважно. Как у нас в университете: фасад приведён в порядок, а со двора... Так что это испокон веков, всё в мире одинаково.

Спешилова Е. И.: ...Мы поддерживаем традицию.

Гаврилов А. М.: Я считаю, Великий Новгород – комфортный город. По крайней мере мне, даже при всех этих недочётах, в нём всё-таки комфортно.

Спешилова Е. И.: Спасибо большое, Алексей Михайлович, за содержательную и очень интересную беседу.

Информация об авторах

Алексей Михайлович Гаврилов
кандидат педагогических наук, доцент
зав. кафедрой дизайна
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий
Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: 0009-0007-9158-3561
e-mail: alexey.gavrilov@novsu.ru

Елизавета Ивановна Спешилова
магистр философии
научный сотрудник научно-образовательного
центра «Гуманитарная урбанистика»
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий
Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: 0000-0002-7859-3526
Web of Science ResearcherID: AAH-4757-2019
Scopus AuthorID: 56786229400
e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Information about the authors

Alexey M. Gavrilov
Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor
Head of Design Department
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-9158-3561
e-mail: alexey.gavrilov@novsu.ru

Elizaveta I. Speshilova
Master of Philosophy
Research Fellow of the Research and Educational
Centre for Humanitarian Urbanistics
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7859-3526
Web of Science ResearcherID: AAH-4757-2019
Scopus AuthorID: 56786229400
e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 16.05.2024
Принят к публикации / Accepted 07.06.2024